

Шестой год правления Цзянькан.

Дождь постепенно усиливался, в военном лагере Монянь воцарилась тишина, и патрульные отряды один за другим возвращались в расположение. Люди, укрывшиеся в горной лощине, вымокли до нитки; некоторые от холода почти забыли о своем бедственном положении, мечтая лишь найти хоть какое-то тепло. Вэй Чи и Ван Фу лежали на вершине холма, не отрывая глаз от вражеского лагеря, а брызги грязи, поднятые дождем, летели им прямо в лица.

Лагерь Монянь наконец окончательно затих. По мере того как ливень становился сильнее, конные патрули сворачивали свою деятельность. Хотя это не гарантировало полной безопасности, ждать было нельзя: если бы до рассвета оставалось совсем мало времени, даже проливной дождь не помог бы им скрыться от глаз врага. Ван Фу вытер грязную воду с лица и посмотрел на Вэй Чи. Тот кивнул. Отряд начал тайком выстраиваться в лощине: Ван Фу — в авангарде, Вэй Чи — в арьергарде. Солдаты, увидев, что господин Вэй добровольно вызвался замыкать строй, были глубоко тронуты; нашлись даже смельчаки, желавшие подменить его, но Вэй Чи каждому вежливо отказал. У него были свои соображения: если за ними погонятся, то при нынешней скорости передвижения они не уйдут ни от коней, ни от стрел врага. Смерть каждого от пущенной в спину стрелы была вполне вероятна. Однако, если он сам побежит последним, всё изменится. Монянь и Да Ци воюют уже десять лет, и враги наверняка узнают его пурпурно-красный мундир, который носят только высшие офицеры. Если даже замыкающий одет в пурпур, то кто же тогда бежит впереди? Любой, кто жаждет заслуг, непременно захочет взять живьем того, кто командует столь важным офицером. Так, если преследователи не станут стрелять, шансы на выживание у остальных многократно возрастут.

На запад, сорок ли на запад, успеть до рассвета... Это был безупречный план.

Быстрое падение Силиньголэ привело моняньского князя Гамма-Худа-Балибаду в крайнее раздражение, а в столице начались пересуды. Весной циньский князь Чэнь Су нанес удар по владениям князя Вотуолэя, донесения о ходе сражений дошли до столицы, но оттуда не пришло ни единого подкрепления. Спустя пару месяцев Силиньголэ необъяснимым образом оказался в руках Ван Юньи. Воинственные племена начали выражать недовольство: с древних времен это Монянь нападал на Срединные земли, а не наоборот! Они шумели и требовали, чтобы моняньский князь занял твердую позицию, некоторые даже грозились, что если князь не хочет выступать в поход, они сами поведут людей мстить за Силиньголэ. Моняньский князь прибег к древнему способу успокоения племен — устроил грандиозный пир. Несколько дней шума и споров — и недовольство удалось утихомирить.

Напившись, моняньский князь стал еще более раздражительным. Князь Цинь и Вотуолэй завязли в позиционной войне, ни одна из сторон не решалась на решающий удар, просто истощая друг друга на севере, и ситуация становилась все более туманной. Поразмыслив, Гамма для надежности отправил самых беспокойных воинов племени Юйцзюэлюй усилить гарнизон Долуня. Чтобы армия Ван Юньи, видя малочисленность гарнизона, не затеяла чего дурного, ведь если этим людям вздумается напасть на столицу... это создаст огромные проблемы.

Конница Юйцзюэлюй не была элитной степной кавалерией, но и простаками они не были.

Совсем не простаками!

Ливень не загнал всех патрульных в лагерь. Один молодой моняньский десятник отказался возвращаться. Он был умен, проницателен и обладал гордой кровью кавалериста. В это подкрепление он не входил, но сам вызвался отправиться в путь. Долунь — город с укреплениями, и кавалерия боялась, что пехота заберет себе всю славу. Действительно ли это так? Молодой человек усмехнулся. Ван Юньи из Да Ци славится своей коварной жестокостью, он не пришел бы в Монянь просто так, и вряд ли он занимается партизанской войной, чтобы отвлечь подкрепления, идущие к Баяньтала (владениям Вотуолэя), как полагали многие. В Долуне скрыта тайна, которую, пожалуй, не разгадают даже многие великие полководцы...

Десятник молча продолжал патрулирование. Ближе к смене караула он уже собрался вести людей обратно, как вдруг заметил что-то странное в дальнем холме. Подъехав ближе, он увидел самый обычный холм, за которым скрывалась неглубокая лощина. Беглый взгляд не выявил ничего подозрительного, но он все же спешил и подошел к слегка примятой траве. Люди, увидев, что командир ушел далеко, поспешили следом. Дождь усиливался. Десятник присел на корточки и вытащил небольшой деревянный колышек, о который чуть не споткнулся.

— Десятник, что вы нашли?

Он не ответил сразу, лишь ткнул концом колышка в лицо подчиненного, и тот вскрикнул от острой боли.

— Этот колышек обтесали. Возможно, здесь кто-то был верхом и привязал коня.

Люди? Кавалеристы тут же сгрудились вокруг: — Десятник, нужно доложить в лагерь?

— Не нужно, — молодой человек потрогал небрежно обтесанную поверхность. — С такой мелочью мы и сами справимся!

Отряд Вэй Чи выбился из сил. Этот дождь, решивший пощадить их, лил всего полчаса, но холодный ветер пробирал до костей, а мокрая одежда прилипла к телу, причиняя боль. Смогут ли эти обессиленные люди выбраться из зоны патрулирования за эти полчаса — большой вопрос... К счастью, преследователей пока не было. Вэй Чи стряхнул с лица дождевую воду. Честно говоря, он сам хотел остановиться хоть на минуту, чтобы выжать одежду. Но нельзя! Стоит остановиться — и никто уже не поднимется. Ван Фу, бежавший впереди, тоже был на пределе; если будет еще раз, он ни за что не пойдет вслед за господином Вэй.

Неизвестно, сколько времени они бежали, но небо начало светлеть, земля перестала быть непроглядной тьмой. В легком тумане уже можно было различить фигуры бегущих впереди, а оглядев смутные очертания холмов, Вэй Чи наконец узнал знакомые места. Все втайне вздохнули с облегчением... скоро они будут в безопасности.

Пробежав еще пару ли, конь Вэй Чи, «Леопард», вдруг занервничал и рванул вперед. Вэй Чи испугался, протрезвел и оглянулся: ха, смерть пришла за ними.

Преследователей было немного... всего вдвое больше, чем их самих. «Ничего, ничего», — отчаянно шептал про себя Вэй Чи. — «Не стреляйте, не стреляйте, не стреляйте...»

Не успел он договорить, как просвистели стрелы... Вэй Чи решился и выпрямился во весь рост: смотрите, пурпурный мундир! Высший офицер! Высший!

Иногда удача действительно благоволит.

Десятник, который был достаточно внимателен, чтобы заметить колышек в грязи, наконец разглядел цвет одежды последнего всадника. И правда, предводитель, который решил преследовать врага лишь со своим отрядом, не мог не жаждать славы... Стрельба прекратилась.

Вэй Чи и остальные, бежавшие из последних сил, от страха перед стрелами обрели второе дыхание и погнали коней вперед. Строй начал рассыпаться.

— Не разбредаться! Не разбредаться! Держать строй! — орал Вэй Чи.

Увы, напрасно. При его тонком голосе вряд ли кто-то мог его услышать. Бегущие солдаты Ци метались из стороны в сторону. Даже Ван Фу, сохранявший хладнокровие в безвыходных ситуациях, занервничал. По его расчетам, через десять ли должен быть лагерь армии Ци. Бежать! Бежать! В голове не осталось места ни для чего другого.

Вэй Чи с отчаянием смотрел на хаос. Что ж, будь что будет... В отчаянии он внезапно вспомнил Сюй Юэ. А что, если так? Неужели?..

Небо светлело все больше. Люди бежали, теша себя призрачными надеждами, но надежды оказались лишь иллюзией... Место, где, как они думали, находится лагерь, оказалось пустым. Ван Фу опешил.

— Бежим дальше! Бежим! — изо всех сил крикнул Вэй Чи.

Но этой минутной заминки хватило, чтобы моняньские воины их настигли.

— Мечи! Господин Вэй, доставайте меч! — крикнул один из солдат. Вэй Чи только сейчас вспомнил, что у него на поясе есть оружие. Пока он дрожащими руками вытаскивал клинок, моняньцы окружили их плотным кольцом. Остальные солдаты, хоть и были не лучшими воинами, имели больше опыта, чем Вэй Чи, и вступили в бой.

Честно говоря, пока моняньцы не использовали стрелы, у них не было большого преимущества: технология плавки железа в Срединных землях была гораздо совершеннее. Вэй Чи стоял с мечом, как дурак, а «Леопард» оказался сообразительным и рванулся туда, где было больше своих.

Увы, даже самый умный конь не умеет махать мечом...

Вэй Чи в смятении поднял меч перед грудью. В детстве он дрался, и во взрослом возрасте тоже, даже недавно схлестнулся с «великим борцом с бандитами» господином Ду Ланом... Но то были поединки один на один. Против столько врагов он оказался впервые. Моняньские кавалеристы проносились мимо, и было неясно, собираются они биться или просто проезжают, чтобы ударить в спину. В этой суматохе Вэй Чи отбил от своих и оказался прижат к краю тремя врагами.

Вэй Чи пытался вспомнить приемы копья Цзюцзюй, но с мечом они не работали. Стиль моняньцев был странным: они не просто рубили, а крутили клинками перед глазами. К счастью, кое-какие навыки у него были, и он смог отбить несколько ударов. В тот момент, когда он был на пределе, двое моняньцев зашли с боков, лишив его возможности двигаться, а третий, до этого находившийся перед ним, внезапно оказался за спиной. Вэй Чи не успел оглянуться, как его стащили с коня!

— А-а! — вскрикнул он и уткнулся лицом в грязь. К счастью, он не раз падал с лошади, поэтому, не успев прийти в себя, тут же перекатился. Видимо, эта троица хотела взять его живым, поэтому не целилась в жизненно важные органы. Вэй Чи уже забыл о страхе смерти, мелькание клинков приводило его в оцепенение, и лишь прошлые тренировки не дали ему превратиться в безвольную куклу.

С трудом поднявшись, он сжал меч и попытался пробраться к «Леопарду». Один из моняньцев, разгадав его замысел, с презрительной усмешкой рубанул его по левому плечу.

Вэй Чи попытался защититься, но опоздал. Видя, что лезвие приближается, он отчаянно рванул мечом в сторону пояса врага! Умирать — так с музыкой, хотя бы забрать одного с собой!

В этот критический момент чья-то рука перехватила удар моняньца. Всадник отшатнулся, а неуклюжий удар Вэй Чи пришелся в шею вражеской лошади. Животное рухнуло, забилося в агонии, залил Вэй Чи кровью.

— Господин Вэй! — к нему пробился воин с широким лицом, увидев, что Вэй Чи сбросили с коня.

Вэй Чи поднял голову.

— Быстрее на коня! — крикнул тот.

Конь! Вэй Чи сделал пару нетвердых шагов. Не успел он найти свою лошадь, как подоспел новый враг. Широколицый бросился наперерез.

На нападавшем была обычная одежда, только на кожаной шапке красовалась кость быка. Широколицый взревел и нанес удар, но Вэй Чи не успел и глазом моргнуть — рука воина, державшая меч, была отсечена врагом одним искусным ударом.

Широколицый с воплем упал с коня. Враг даже не взглянул на него, а погнал коня прямо на Вэй Чи. Тот отступал, споткнулся о тушу мертвой лошади и упал. Моняньский всадник, чей конь был убит Вэй Чи, возможно, сломал ногу и не мог подняться.

Крики в степи слились в гул. Одни жаждали славы, другие — выжить. Солнце уже взошло.

Вэй Чи при падении потерял меч, руки были в крови. Он попытался встать, но его схватил тот самый моняньский всадник. Тот был жесток: волоча сломанную ногу, он прижал Вэй Чи к земле. Вэй Чи в ярости ударил его по сломанной ноге. Обезумевший от боли враг, кажется, забыл о славе и начал душить Вэй Чи. Если бы не мягкая броня на воротнике, Вэй Чи не выдержал бы такой хватки. В глазах начало темнеть, но тут он увидел, как широколицый, лишившийся руки, из последних сил оттолкнул врага и закрыл Вэй Чи своим телом.

Монянец, разъяренный до предела, поднялся, схватил камень и занес его над головой безрукого воина, но, не успев ударить, почувствовал холод в груди. Опустив взгляд, он увидел серебристый наконечник копья, пронзивший его насквозь.

— Вэй Чи! Вэй Чи! — Ху Янлинь одним движением отшвырнул врага.

Ду Лан огромным молотом сдержал натиск моняньского десятника: — Слезь с коня и посмотри, чего орешь!

Ху Янлинь, увидев, что молодой солдат прикрывает тыл, спрыгнул с лошади. Солдат, защищавший Вэй Чи, поднял голову, взглянул на Ху Янлиня, узнал мундир армии Ван, кивнул и испустил дух.

Ху Янлинь вытащил Вэй Чи из-под тела. Увидев, что тот жив, несмотря на кровь, он вздохнул с облегчением и потащил его прочь, но путь им преградил монянец. Ху Янлинь защищал Вэй Чи, но сражаться, будучи на земле против конного, было трудно.

Стоило Ху Янлиню отвлечься, как на Вэй Чи набросился другой враг — тот самый, пронзенный копьем Ху Янлиня. В суматохе Вэй Чи увидел отрубленную руку — руку широколицего, в которой все еще был зажат меч, спасший ему жизнь. В носу защипало, он зажмурился и отчаянно бросился в бой.

После нескольких столкновений Ху Янлинь ловким движением сбил врага с коня и уже хотел

добить его, как увидел рядом окровавленного человека. Тот сделал шаг вперед и нанес удар по шее врага.

Не успел Ху Янлинь разглядеть, кто это, как окровавленный человек вскочил на вражеского коня и вырвался из окружения.

Моняньский десятник был неглуп и искусен в бою, но столкнулся с Ду Ланом.

После пары разменов ударов Ду Лан захватил инициативу, его молоты летали, как живые. Десятник понял, что перед ним мастер, и решил отступить. Эти разрозненные солдаты Ци дрались яростно, но их было мало. Он хотел легкой добычи, хотел схватить важную птицу и уйти. Кто же знал, что этот офицер так дорог своим людям? В разгар схватки откуда-то взялся еще один отряд, небольшой, но с грозными бойцами. Взвесив все за и против, он понял, что не победит. Возвращение без успеха грозило наказанием, но жизнь была важнее...

Ду Лан не мог позволить добыче уйти. Оттеснив вражеского лидера, он не остановился, перебил тех, кто пытался его задержать, и в одиночку погнался за беглецом. Монянец испугался, забыл о своих людях и погнал коня на восток. Оставшиеся без лидера воины впали в панику, потеряли волю к бою и бросились наутек.

— Командир Ху, враг бежал, все наши в порядке, только генерал Ду погнался за ними, — доложил подоспевший солдат.

— Понял. Проверьте тех, кто вышел с господином Вэй, спасайте всех, кого можно! — Ху Янлинь снял Вэй Чи с коня, и тот тут же выплюнул сгусток крови.

Ху Янлинь усадил его: — Я в порядке, это не моя кровь.

Услышав его голос, Ху Янлинь успокоился. Видя, что Вэй Чи не выпускает из рук меч, он не стал отбирать оружие, лишь похлопал его по спине.

Эта небольшая равнина была залита кровью, которая под лучами утреннего солнца выглядела пугающе. Степь постепенно прогревалась, и запах крови становился тяжелым и тошнотворным. Там, где был Вэй Чи, было больше всего убитых и раненых, но в итоге оказалось, что из пятнадцати человек, вышедших с ним, выжили тринадцать.

Через некоторое время вернулся Ду Лан с двумя головами, сам ни царапины.

Одна голова была самой обычной, шапка с бычьей костью исчезла. Ду Лан с презрением швырнул головы на землю: — Варвары!

— Господин Вэй, господин Вэй... — кто-то нашел «Леопарда». Конь был напуган, но теперь успокоился и позволил солдату себя увести.

Вэй Чи взял поводья и погладил коня по морде.

— Здесь не стоит задерживаться, собирайтесь и уходим! — приказал Ду Лан.

Ду Цихуань, увидев, что Вэй Чи вернулся в лагерь живым и невредимым, забыл о приличиях и побежал к главному шатру, выкрикивая новости. Все были поражены: вчерашняя ситуация казалась безнадежной, все думали, что Вэй Таньхуа не выживет... Кто бы мог подумать, что у парня такой запас удачи!

Сюй Юэ тоже вздохнул с облегчением: — Грешно так говорить, но все благодаря потомку семьи Ду.

Ван Юньи спросил Нин Юаня: — Сколько человек вернулось с Вэй Чи?

— Тринадцать, — Нин Юань помедлил. — Говорят, господин Вэй проявил смекалку, иначе с такой удачей вряд ли бы вернулось столько людей. — Из пятнадцати солдат, ушедших с Сюй Юэ, в живых осталось только восемь.

Ван Юньи погладил бороду. Зная, что Гэн Чжуцю не терпит кумовства, он хотел втайне отправить солдат на поиски, но не ожидал, что Ду Лан вызовется сам. Вэй Чи здесь всего два месяца, приехал с дурной славой, все считали, что его здесь не жалуют, а он, оказывается, нажил друзей, готовых ради него рискнуть жизнью...

Вэй Чи, расслабившись, почувствовал, что руки и ноги стали ватными. Ху Янлинь, понимая, что тот выжат до капли, проводил его до шатра, отдал распоряжения Чэнь Ху и ушел.

Чэнь Ху, услышав, что Вэй Чи жив, чуть не прослезился и побежал в полевую кухню готовить воду. Вэй Чи, глядя на большой чан за ширмой, почувствовал тепло, хотел что-то сказать, но сил не было, поэтому просто похлопал Чэнь Ху по плечу. Зайдя за ширму, он долго сидел на табурете, прежде чем смог зачерпнуть воды.

Грязь и кровь на теле превратились в корку, которая осыпалась при снятии одежды. Стоило вылить на себя воду, как кровь окрасила ее, и в нос ударил резкий запах. Вэй Чи ухватился за край чана, хотел передохнуть, но побоялся, что кто-то войдет, и через силу облился водой. Кое-как отмывшись, он, не дожидаясь, пока высохнут волосы, завернулся в одежду и рухнул на кровать. Но уснуть не мог: казалось, что в одежде спрятаны чьи-то уши или носы... стоило вздрогнуть, как они могли выпасть из рукава. Несколько раз он садился, расстегивал и застегивал одежду. В голове — хаос: убить или не убить? Убить или быть убитым? Он смотрел в пустоту, накрывался одеялом, ворочался, но так ничего и не понял, просто провалился в тяжелый сон.

После обеда Ду Цихуань с писарем отправился в Долунь с дипломатической миссией. Гарнизонный начальник Аньмулийе, приняв делегацию, получил подарок — Дамула, того самого, что предал Гуюань Маэ.

Полное имя Аньмулийе — Аньмулийе Чахань, полное имя Гуюань Маэ — Гуюань Маэ Чахань.

Второй Чахань был дядей первого.

Напряжение на лице Аньмулийе начало спадать. Ду Цихуань воспользовался случаем: — Наша армия не захватила бы Силиньголэ, если бы не козни этого человека. Надеемся, моняньский князь проявит великодушие.

Аньмулийе моргнул. Поверить в слова Ду Цихуаня мог только дурак, но он был готов передать в столицу письмо с проклятиями в адрес Дамула и самого предателя. В столице была целая группа людей по фамилии Чахань, среди них — вдовствующая княгиня, мать князя и родная сестра Гуюань Маэ. Отомстить за уважаемого дядю — дело благородное...

Ду Цихуань подмигнул писарю, и тот поднес привезенные дары — золото, серебро и нефрит.

Аньмулийе взял одну из вещей, поглаживая ее: — Раз войска Ци договорились с моим князем, я не буду чинить препятствий. Раньше были недопонимания, но это все пустяки. Если Да Ци сдержит обещание, я не стану мешать генералу Вану.

Ду Цихуань понял, что дело сделано. Боясь помешать наслаждению генерала созерцанием драгоценностей, он поклонился и поспешно удалился.

— Этот человек слывет великим полководцем, он точно не задумал ничего дурного? — спросил писарь, как только они вышли из Долуня.

— Хоть мы и не можем захватить Долунь, но и у Долуня нет сил нас уничтожить. Генерал не хочет ввязываться в невыгодную войну. А мы преподнесли ему такой подарок... Хе-хе, боюсь, в следующий раз мы встретимся уже с новым начальником гарнизона.

Писарь задумался и просиял.

Ду Цихуань погладил бороду: — Хороши методы генерала Вана!

<http://bllate.org/book/21780/2252231>